

ДВОЙНЫЕ СУБСТАНТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ КАК ФОРМУЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Стаття присвячена розгляду подвійних субстантивних сполучень як стійких, формульних одиниць поетичного тексту. Стверджується, що граматична модель «іменник – іменник» із закріпленням лексико-синтаксичним порядком слідування компонентів і стійким значенням є не тільки показником фольклорної тематики, але й уживається в переносному значенні. Автор виявляє основні групи подвійних субстантивних сполучень, що функціонують у мові російської поезії ХХ століття, зі зміненням переосмислення значенням, а також описує особливості їхнього вживання.

Ключові слова: подвійне субстантивне сполучення, формульна одиниця, переосмислене значення, фольклорний образ, поетичний текст.

В русском поэтическом тексте функционирует ряд сочетаний, представляющих собой устойчивые элементы устного народного творчества и употребляющихся в качестве готовых единиц с закреплённым лексико-синтаксическим порядком следования компонентов. К таким единицам относятся устойчиво-воспроизводимые сочетания и эпитеты, определённого рода «штампы», «семантическая сторона» которых «почти заглушена» (Брик О.М.: цит. по [1, 107]), например, *добрый молодец, красна девица, ясен месяц, трава-мурава*. Подобные сочетания представляют собой устойчивые языковые формулы, которые используются «в готовом, общепринятом виде с минимальными сдвигами в семантике» [1, 111]. Формульность языковых сочетаний проявляется в частотном, регулярном воспроизведении определённых единиц, берущих свое начало в фольклоре и древнерусской литературе [4, 6]. Под языковой формулой мы, вслед за М.А. Бакиной, понимаем «выражение, которое наследуется в готовом виде» [1, 107]. К таким языковым регулярно воспроизводимым формулам относится ряд парных дефиснооформленных субстантивных сочетаний, функционирующих в поэтическом тексте в качестве готовых единиц с закреплённым порядком следования компонентов (*мать-отец, гуси-лебеди, мед-пиво, руки-ноги, золото-серебро, хлеб-соль*), известных нам по фольклорному употреблению и зафиксированных в древних текстах (см. И.И. Срезневский «Словарь древнерусского языка»). Эти сочетания являются единицами «древней символической классификационной системы» [6, 93] и «задают своего рода систему координат передаваемого в фольклорном тексте события, ... с их помощью воспроизводится строго определённая, повторяющаяся в основных деталях от одного произведения к другому картина соответствующего фрагмента мира» [Там же].

Такого рода сочетания чаще всего функционируют в современной поэзии ХХ в.в. в своем устойчиво-традиционном значении:

*Прими эту русскую нашу хлеб-соль,
А там хоть на дыбу послать нас изволь!»*
(Д. Кедрин. «Ермак»)

Однако в поэзии ХХ века, для которой характерны «полярные явления, сменяющие друг друга и после такой смены сосуществующие» [2, 11], «мышление традиционными поэтическими формулами – и резкое отталкивание от традиции» [там же], происходит переосмысление языковых формул и употребление в несвойственной для них функции или в непривычном значении. Наследование поэтических традиций, проявляющееся в использовании языковых формул, проходит с переосмыслением «традиционных смысловых связей и устойчивых образов» [4, 7]. Некоторые устойчивые поэтические формулы имеют двоякую направленность: «с одной стороны, вещественная основа опорного слова стирается и затушевывается, с другой – она подновляется и возрождается» [3, 152].

Целью данной статьи является описание формульных двойных субстантивных сочетаний, функционирующих в языке русской поэзии ХХ века, с изменённым, переосмыслённым значением, а также выявление особенностей их употребления.

Языковой материал ограничивается поэзией ХХ века, поскольку проанализировав корпус устойчивых двойных субстантивных сочетаний поэзии XIX-XX в.в., мы отметили сочетания с переосмыслённым значением только в поэзии ХХ века. В поэзии XIX века данные единицы употребляются в своем привычном устойчивом народно-поэтическом или фольклорном значении.

Проблемы функционирования устойчивых двойных сочетаний являлись предметом исследований, отдельные аспекты их употребления в поэтическом тексте и устной народной речи рассматривались в работах А.А. Потебни, А.Н. Веселовского, Л.В. Зубовой, В.В. Колесова, И.И. Ковтуновой, Н.Н. Ивановой, Е.А. Некрасовой, О.И. Северской, И.А. Ионовой, М.А. Баки-

ной, Н.А. Кожевниковой, В.И. Ереминой, И.А. Осовецкого, О.П. Лопутько и других. Актуальность данного исследования определяется отсутствием в современной лингвистической науке описания формульных двойных субстантивных сочетаний с переосмысленным значением.

При обращении к формульным сочетаниям «поэты обычно лишь отталкиваются от ее общехудожественной стертой образности и создают свои индивидуально-авторские варианты этой формулы» [1, 112]. Проанализировав в поэтическом тексте XX века ряд устойчивых двойных субстантивных сочетаний с переосмысленным значением, мы выявили несколько групп.

Первую группу составляют сочетания, в которых формульность нарушается посредством переноса значения. В некоторых случаях такой перенос уже осуществлен в языке и вторичная номинация только фиксируется поэтическим употреблением:

Взмахни белоснежным платочком,

Играя в гусей-лебедей.

(В. Шаламов. «Закрытие весной»)

В данном употреблении *гуси-лебеди* – название детской игры.

В других случаях перенос является мотивированной метафорой, как, например, в следующем отрывке, где зима накрывает землю, подобно скатерти-самобранке:

Взглянул в оконное стекло

И видишь «скатерть-самобранку» –

Везде, вокруг, белым-бело.

(С. Михалков. «Круглый год»)

Переносное значение устойчивого сочетания *скатерть-самобранка* в детской поэзии выделяется графически – с помощью кавычек.

Расширению значения устойчивых субстантивных сочетаний способствует поэтическое употребление, при котором происходит метафоризация сочетаний. Например:

Володя!

За этот голос с хрипотцой

дрожь сводит,

отравленная хлеб-соль

мелодий...

(А. Вознесенский. «Реквием оптимистический»)

В сочетании *отравленная хлеб-соль мелодий* двойным субстантивным сочетанием *хлеб-соль* автор называет основу существования поэта-творца. Значение эпитета *отравленная* семантически перекликается с элементом субстантивного сочетания *соль* и грамматически поддерживается родовым согласованием: *отравленная хлеб-соль*, а не *отравленный хлеб-соль* при вариативном родовом согласовании определяющих субстантивную конструкцию прилагательных и местоимений в поэзии XIX–XX в.в.: *нашу хлеб-соль, эта хлеб-соль* (Д. Кедрин), *моей хлеб-солью* (А.С. Пушкин), *хлеб-соль хорош* (В. Соснора).

Сочетание *злато-серебро*, традиционно употребляющееся в значении ‘деньги, богатство’ (*Разве мы / не добывали / Разного злат-серебра?* (В. Соснора)), в стихотворении Е. Евтушенко метафорически обозначает не просто ценности, а ‘духовные ценности’:

Когда-нибудь, когда не будет нас,

хочу, чтобы и я кого-то спас,

оставшись главным златом-серебром –

мной преданным в даль веков добром.

(Е. Евтушенко. «Передавание добра»)

В следующем отрывке переосмысление образа *жар-птицы* осуществляется по признаку сходства в движении, а также внешнего сходства жар-птицы и осени:

А осень мокрыми жар-птицами

Брела на юг от зимних вьюг.

(В. Туриянский. «Накрапывал осенний дождичек»)

В стихотворении И. Бродского образ *Жар-птицы* переносится в область эмоциональной сферы, для описания душевного состояния персонажа:

Входит некто православный, говорит: «Теперь я – главный»

У меня в душе жар-птица и тоска по государю.

(И. Бродский. «Представление»)

В идиостиле Вс. Рождественского огненная *жар-птица* сравнивается с «багровеющим» восходом:

К восходу повернул я свой челнок, –

Там крылья распахнет сейчас жар-птица,

(Вс. Рождественский. «Смотри, как розовеют облака...»)

Когда встает заря во всей красе

Струистым оперением жар-птицы.

(Вс. Рождественский. «Тебя не по пристрастью своему...»)

В стихотворении М. Цветаевой «И если руку я даю...» сочетание *море-океан* обозначает не просто водную стихию, огромные водные пространства (*плыл по морю-окияну / философский пароход* (М. Рахлина)), а жизненную стихию, в которой находится лирический герой стихотворения:

*Стакан твой каждый – будет пуст
Сама ты – океан для уст.*

*Ты за стаканом бей стакан,
Топи нас, море-окиян!*

Вторую группу составляют сочетания, в которых устойчивые образы употребляются для фольклорной стилизации. В таких случаях использование формульных сочетаний и эпитетов «скорее разрушает, чем создает народно-поэтическую стилизацию» [5, 133]. Нередко фольклорные персонажи и атрибуты переносятся в наше время и действие происходит в современных читателю реалиях, за счет чего «снижается» их мифологичность. Например:

*После огня одолела дремота.
Но не сомкнула ты глаз,
Свесила ноги с ковра-самолета –
Только и видели нас.*

(Ю. Кузнецов. «Ковер-самолет»)

Эгей, сапоги-скороходы!

Догнать!

обнаружить!

добыть!

(Р. Рождественский. «Охота! Настала охота!»)

По справедливому замечанию, Н.А. Кожевниковой, несмотря на то, что «в устойчивых образах прежде всего воплощено традиционное начало, ... отталкивание от традиции в значительной мере осуществляется при помощи традиционных образов, так или иначе переосмысленных или преобразованных» [4, 7].

В следующем отрывке образ Бабы-Яги, перенесенный в современные реалии, обыгрывается с помощью контекстуального наложения значений уменьшительно-ласкательного *ступка* (средство передвижения Бабы-Яги) и *ступка* (кухонная принадлежность для измельчения):

*Мама крутила начинку для сибирских пельменей
из мяса,*

принесенного Серым волком.

Баба-Яга толкла в ступке

грецкие орехи для сациви.

(Е. Евтушенко. «Мама и нейтронная бомба»)

Метла, неизменный атрибут при передвижении Бабы-Яги в ступе, описывается как хозяйственный инструмент, предназначенный для уборки улиц: *Баба-Яга посреди тротуара / машет метлою* (Р. Рождественский. «Надо ж, почудилось...»). Употребление фольклорного образа Бабы-Яги в новом значении мотивировано общей тенденцией утраты связи между образом и его языковым воплощением: «в литературе нового времени, которая не подчиняется канону, связь между предметом речи и его образным соответствием гораздо свободнее, она лишена принудительности» [4, 6].

В стихотворении Е. Евтушенко «Свежий запах лип» фольклорный образ Бабы-Яги, выступающий в предложении в предикативной функции, сравнивается с неодушевленным существительным – топонимом *Москва*:

Может быть Москва

бабою-ягой,

может быть мягка,

как никто другой.

Персонификации образа Москвы способствует не только сравнение одушевленного существительного с неодушевленным, но и женская родовая форма обоих существительных.

Нами зафиксировано употребление ряда сочетаний, которые не подверглись лексико-семантическому преобразованию и сохранили свое постоянное значение: сочетания синонимического характера (*путь-дорога, ум-разум*), сочетания ассоциативного характера, элементы которых дают суммарное обозначение понятия путем перечисления составляющих его элементов (*мать-отец* в значении ‘родители’, *руки-ноги* в значении ‘конечности’, *мед-пиво* в значении ‘застольные напитки’), устойчивое гипонимо-гиперонимическое сочетание *рыба-кит*, отражающее народ-

ную, а не научную классификацию понятий *рыба* и *кит*, а также формульные эпитеты, для которых свойственна «относительная устойчивость между определяемым и определением» [1, 123] (*меч-кладенец, душа-девица, девица-краса (краса-девица), правда-матка*).

Проведенный анализ устойчивых формульных двойных субстантивных сочетаний, унаследованных из произведений фольклора и устного народного творчества, позволил выявить группу парных субстантивных конструкций, значение которых переосмысливается в поэзии XX века. Данная особенность является отличительной чертой поэзии XX века (случаев переосмысленного употребления данных единиц в поэзии XIX века мы не зафиксировали). Переосмысление формульных субстантивных сочетаний осуществляется посредством метафорического переноса значения, закрепленного за употреблением определенной субстантивной конструкции, а также употребления устойчивых образов фольклора в произведениях с нефольклорной тематикой.

Перспективой исследования является изучение двойных субстантивных конструкций, образованных на основе формульных субстантивных сочетаний, с заменой одного из элементов, а также окказиональные случаи такого употребления.

Список использованных источников

1. Бакина М.А. Устойчивые языковые формулы в поэзии XX в. (на материале поэзии Д. Бедного и Б. Слуцкого) / М.А. Бакина // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. – М.: Наука, 1995. – С. 106-142.
2. Ковтунова И.И. Некоторые направления эволюции поэтического языка в XX веке / И.И. Ковтунова // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Поэтический язык и идиостиль / Под ред. В.П. Григорьева. – М.: Наука, 1990. – С. 7-26.
3. Кожевникова Н.А. Метафора в поэтическом тексте / Н.А. Кожевникова // Метафора в языке и тексте / [ред. В.Н. Телия]. – М.: Наука, 1988. – С.145-165.
4. Кожевникова Н.А. Эволюция тропов / Н.А. Кожевникова // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. – М.: Наука, 1995. – С. 6-79.
5. Кулева А.С. Языковые особенности поэтического направления: усеченные прилагательные / А.С. Кулева // Корпусный анализ русского стиха: Сборник научных статей / [отв. ред. В.А. Плунгян, Л.Л. Шестакова]. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013. – С. 128-141.
6. Лопутько О.П. «Добрый молодец» и «красна девица» / О.П. Лопутько // Русская речь. – 2008. – №1. – С. 93-96.

Summary. The article is devoted to the considering of double substantival constructions as fixed, formulaic units of poetic text. It is asserted that a grammar pattern 'noun – noun' with a fixed lexical-syntactic order of components' following and a fixed meaning is not only a folk theme marker but is used in a metaphorical meaning as well. The author reveals the main groups of double substantival constructions with a changed figurative meaning which function in the Russian language poetry of the XXth century and also describes the peculiarities of their usage.

Keywords: double substantival construction, formulaic unit, figurative meaning, folklore image, poetic text.

УДК 821.111-3.09'06

Н.Д. Василюшина

ПОЕТИКА ПЕЙЗАЖУ В ОПОВІДАННІ Г.Р. ХАГГАРДА «ТАЄМНИЧІ СИЛИ»

У статті досліджується символіко-експресивна функція пейзажного образу в оповіданні Г. Р. Хаггарда «Таємнічі сили» та неоромантична стилістика письменницьких художніх вирішень. Сконцентрований навколо однієї події часопростір оповідання сприяє розумінню ідейно-естетичної функції пейзажного образу в нарації письменника.

Ключові слова: літературний пейзаж, неоромантизм, Африка, лаконізм.

Дослідження спадщини яскравого представника англійського неоромантизму рубежу XIX-XX ст. Г.Р. Хаггарда, зокрема поетики його літературних пейзажів, залишається актуальним